

Хроники Некроманта

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Смирнова

Хроники Некроманта

«Автор»

2026

Смирнова А.

Хроники Некроманта / А. Смирнова — «Автор», 2026

Это не история о некроманте, который воскрешает мёртвых. Это история о человеке, который научился помнить — даже когда мир забыл, как называется дом. Здесь нет эпических битв. Только костяной костёр, чай из мгновений надежды и голоса тех, кого никто не должен был слышать. Для тех, кто верит: настоящая магия — не в воскрешении, а в памяти.

© Смирнова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I Хроники Некроманта	5
Пепел в колыбели	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Анастасия Смирнова Хроники Некроманта

I Хроники Некроманта

Пепел в колыбели

Холодная зима 1818 года не просто принесла метель, бьющую в ставни, — она вытолкнула меня в мир, словно ненужный плод, обречённый на выживание в безжалостной тьме. Огонь в печи едва теплился, дрожащими отголосками жизни в царстве льда и мрака. Отец стоял у окна, вглядываясь в непроглядную темень, будто искал там ответы на вопросы, которых не решался произнести вслух. Мать, измученная родами, лишь молча смотрела на меня — второго сына в семье, где каждый рот был лишним, каждый вздох — напрасной тратой воздуха. В глазах отца не было радости — лишь тяжёлый, утробный вздох человека, который знает: теперь хлебные запасы придётся делить на ещё одну часть, а значит, голод станет ближе, ощутимее, неизбежнее.

Мать положила ладонь на моё лицо — жест, в котором было больше механической привычки, чем материнской нежности. Её пальцы, холодные и шершавые, скользнули по моей коже, оставив после себя ощущение пустоты. Я родился в мире, где любовь была роскошью, которую никто не мог себе позволить.

В деревне быстро привыкли к моему присутствию — или, скорее, к его отсутствию. Я был тенью, скользкой между домами, мальчиком, которого замечали только тогда, когда требовалась лишняя пара рук для полевых работ. Остальное время я проводил в одиночестве, избегая сверстников, чьи насмешки звенели в ушах, как ядовитые колокольчики. Они смеялись над моей замкнутостью, над тем, как я смотрел на мир — будто сквозь мутное стекло, за которым таились иные, неведомые им образы.

По ночам, глядя в зеркало при свете лампы, я видел в отражении глаз странное мерцание — не просто отблеск пламени, а огонь, горящий внутри. Он пульсировал, то разгораясь, то угасая, словно живое существо, запертое в клетке моей плоти. В нём смешивались яркие отблески, будто две души делили одно тело, и я не знал, какая из них победит. Иногда мне казалось, что этот огонь — единственное, что связывает меня с миром, единственное, что не даёт мне раствориться в безмолвной пустоте.

К семи годам я уже привык к тяжёлой работе и голоду. Они стали моими верными спутниками, моими учителями, вбивавшими в сознание простую истину: жизнь — это борьба, а победа — лишь отсрочка перед новым поражением. Однажды утром, когда мороз сковал землю, а дыхание висело в воздухе белыми облачками, мать разбудила меня раньше обычного. Её руки дрожали, когда она помогала мне надеть лучшую рубаху — ту, что хранилась для особых случаев, которых в нашей жизни почти не случалось.

— Мельник прислал за тобой, — сказала она, не глядя мне в глаза. Её голос звучал глухо, словно доносился из-под толщи воды. — Сказал, что берёт тебя в подмастерья.

— За два серебряных, — добавил отец из угла избы, где он чинил сапог. Его голос был ровным, но в нём слышалась облегчённая усталость — словно с его плеч свалился камень, который он носил годами. Камень, имя которому — лишний сын.

Мельник встретил меня у ворот своей мельницы — старик с седой бородой и глубокими морщинами, прорезавшими лицо, как трещины в засохшей земле. Его глаза, тусклые и холодные, будто два осколка льда, изучали меня, словно оценивая товар. Руки его были покрыты шрамами: старыми, серебристыми, и свежими, красными от недавней работы. Он не улыбнулся, лишь кивнул, словно подтверждая сделку.

Дни на мельнице сливались в однообразную череду тяжёлого труда: перетаскивание мешков с зерном, чистка жерновов, уборка дома, приготовление еды. Мельник был суров, но справедлив. Он никогда не бил меня без причины, но и похвалы были редки — словно слова одобрения стоили ему больше, чем золото. Зато он учил меня рунам.

— Это не магия, — говорил он, вырезая странные символы на дверных косяках и оконных рамах. Его пальцы, изуродованные годами работы, двигались с удивительной точностью, будто знали тайну, недоступную обычным людям. — Это память. Наши предки так защищали дом от злых духов. Каждая руна — как ключ к замку, который держит порядок в мире.

Однажды он показал мне, как вырезать руны урожая на зерновых мешках.

— Не верь в то, что не можешь объяснить, — учил он, водя моей рукой по дереву. Его прикосновение было холодным, почти неживым, но в нём чувствовалась сила, древняя и непостижимая. — Но и не отрицай то, что работает. Эти символы старше нас с тобой. Они не колдовство — они знание, передаваемое от поколения к поколению.

Я запоминал каждую линию, каждый изгиб. Сначала это были просто узоры, бессмысленные каракули на дереве. Потом — инструменты, способные менять мир. Я вырезал руны на дверях амбара, чтобы крысы не заводились, на краю колодца, чтобы вода оставалась чистой, на подоконниках — чтобы в доме было тепло. Мельник одобрительно кивал, когда видел мою работу, но в его глазах всегда таилась тень сомнения, словно он знал, что я иду по краю пропасти.

— Хорошо помнишь, — говорил он. — Но помни главное: руны — лишь отражение того, что внутри человека. Без веры в них они просто царапины на дереве.

Ночами, когда он считал зерно или чинил механизмы, я мог исследовать его дом. Книжки были везде: на полках, под кроватью, даже в погребе — потрёпанные фолианты с рунами на полях, записи о забытых ритуалах, страницы, исписанные почерком, который казался мне то ли человеческим, то ли принадлежащим существам из иного мира. Когда я спрашивал о них, он лишь махнул рукой:

— Пережитки.

Но в его глазах мелькнуло предостережение. И что-то ещё — согласие. Он не мог, да и не пытался остановить меня. Лишь иногда я ловил его взгляд за моей спиной, когда я читал особенно старые страницы, и в этом взгляде читалось нечто большее, чем просто любопытство.

Слухи о нас крепили с каждым годом. Сначала это были только шёпотки на базаре, едва уловимые, как дуновение ветра. Потом — камни в окна по ночам, оставлявшие на стекле трещины, похожие на паучьи сети. Затем кто-то поджёг сарай с зерном. Мельник молчал, но я видел, как его руки сжимались в кулаки, когда он смотрел на дымящиеся остатки нашего урожая. В его молчании было больше ярости, чем в самых громких криках.

Однажды вечером, когда ветер завывал в трубе сильнее обычного, я застал его в библиотеке. Он склонился над потрёпанным фолиантом, руны на страницах светились тусклым зелёным светом, словно живые существа, пробуждающиеся от долгого сна. Я замер в дверях, но он почувствовал моё присутствие.

— Это не просто пережитки, — сказал он, не отрываясь от книги. Его голос звучал так, будто доносился из глубин земли. — Это память. Моя, твоя, мира, который мы потеряли. Руны помнят то, что люди предпочитают забыть.

— Почему вы не ушли? — спросил я, указывая на карту в углу комнаты, отмеченную странными символами. — Если вам здесь так плохо?

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было радости, лишь горечь, накопленная годами.

— Куда уйдешь от самого себя, парень? Места меняются, лица — тоже. А боль остаётся. Лучше уж держать границу здесь, чем бежать и оставлять трещины позади.

Потом он положил ладонь на мою голову. На ладони его, изрезанной шрамами, темнел знак в виде перевёрнутого ключа. Его пальцы были холодными, но в их прикосновении чувствовалась странная теплота, будто он передавал мне часть своей души.

— Ты сам выбирай свой путь. И мне без разницы, какой он будет. Запомни: ты хороший человек. Но даже хорошие люди иногда делают плохие вещи во имя спасения.

В тот момент я не понял глубины его слов. Позже я спросил о его прошлом.

— Меня тоже боялись, — ответил он, глядя в огонь. Его глаза отражали пламя, но в них было больше тьмы, чем света. — Считали странным, непонятым. А я просто видел то, что другие предпочитали не замечать. Смерть не приходит внезапно — она подаёт знаки. Шепчет в ветре, оставляет следы в пыли. Я научился их распознавать. И это стоило мне всего.

Он показал мне руну спокойствия на внутренней стороне двери. Её линии были плавными, почти ласковыми, но в них таилась сила, способная усмирить бурю.

— Это не магия, — повторил он. — Это способ помнить, что даже в бурю есть тишина. А в тишине — ответы.

Тогда же я нашёл мёртвого воробья. Я вспомнил руны, что воскрешала. Ту, что я узнал из фолианта в глубине подвала. Вычертил на теле его. Птица ожила, но не так. Её движения были механические, взгляд так и остался мёртвым.

Мельник из-за спины произнёс:

— Малец, не возвращай никогда мертвецов. — Подойдя ко мне, он выхватил птицу из моих рук и точным движением сорвал её голову. Ледяная кровь брызнула в меня. — Мёртвые возвращаются без души. Лишь оболочки, что не могут чувствовать и думать.

Той ночью я не мог уснуть. В голове крутились его слова, а в ушах всё ещё звенел ветер, бьющий в ставни. Я встал и пошёл в библиотеку, к той самой книге с запретными рунами. И когда я читал их, тихо проговаривая про себя, воздух в комнате сгустился, Время замедлилось, а в зеркале на стене я увидел не себя, а тень — высокую, нематериальную, ожидающую. Её очертания плавали в зыбком свете лампы, то сгущаясь, то растворяясь, будто пробуя границы реальности. Я почувствовал, как по спине пробежал ледяной ток — не страх, нет, а нечто большее: пробуждение. Тень шевельнулась, и в этом движении было столько древней мудрости и невысказанной боли, что у меня перехватило дыхание.

Я протянул руку к зеркалу, и пальцы коснулись холодной поверхности, но в тот же миг мне показалось, что я ощутил нечто иное — вязкую, пульсирующую тьму, которая ждала лишь повода проникнуть в мир живых. В голове зазвучали шёпоты — не слова, а обрывки мыслей, воспоминаний, чужих жизней, слившихся в единый гул. Я отпрянул, но тень не исчезла. Она смотрела на меня, и в её безглазых очертаниях я читал приговор и обещание одновременно.

— Ты видишь, — раздался голос Мельника за спиной. Он стоял в дверном проёме, сгорбленный, но с горящими глазами. — Ты видишь то, что скрыто. Это не дар, мальчик. Это долг.

Я хотел спросить, что он имеет в виду, но слова застряли в горле. Тень в зеркале шевельнулась снова, и на этот раз я различил в её контурах очертания человеческой фигуры — высокой, с длинными руками, словно сотканными из ночного тумана.

— Руны — это двери, — продолжил Мельник, подходя ближе. Его шаги звучали глухо, будто он ступал по мягкой земле, а не по деревянному полу. — Но не все двери стоит открывать. Некоторые хранят то, что лучше оставить забытым.

Он положил руку на моё плечо, и я почувствовал, как его пальцы дрожат — не от слабости, а от напряжения, будто он удерживал внутри себя бурю.

— Ты уже на пороге. Ещё шаг — и ты перейдёшь черту. Готов ли ты?

Я не ответил. Взгляд мой был прикован к тени, которая теперь протягивала ко мне руку — не угрожающе, но настойчиво, словно приглашая вступить в неведомый мир. В тот момент я понял: пути назад нет. Даже если бы я захотел, даже если бы попытался убежать, тень уже коснулась моей души, оставив на ней свой след.

Слухи окончательно переросли в бешенство весной следующего года. В деревне говорили, что Мельник насылает засуху, что наше прикосновение отравляет воду, а взгляд навле-

кает несчастье. Мы стали призраками, которых боялись и ненавидели, существами из ночных кошмаров, воплощением всех бед, обрушившихся на деревню.

В тот роковой день я ушёл на охоту. Вернулся с добычей под вечер, но издалека увидел столб дыма и языки пламени, рвавшиеся в небо за кронами деревьев. Сердце сжалось от недоброго предчувствия. Я бросил добычу и помчался сквозь лес, ветви хлестали по лицу, корни цеплялись за ноги, но я не чувствовал боли — только ледяной ужас, сковывавший грудь.

Мельница и дом были объаты ревущим пламенем. Небо почернело от дыма, воздух наполнился гарью и страхом. А вокруг бушевала толпа с вилами, топорами и факелами. Их лица искажались праведным гневом — красные, потные, с пеной у ртов. Женщины визжали, мужчины рычали, дети подпевали с камнями в руках.

— Сжечь колдунов! Сжечь отродье Хтони! — хор голосов бил в уши, как молоты по наковальне.

— Они кровь пьют! Они урожай губят! — орала бабка, тыкая костылем в воздух.

Кузнец, здоровенный детина с кузнечными мозолями, размахивал молотом:

— Мальчишка вчера мою дочь коснулся — она с тех пор воет по ночам!

Я пробился сквозь кольцо. Первый удар — вилы в плечо. Железо вошло с хрустом, кровь хлестнула на лица. Они ликовали.

— Держите! Не дайте уползти!

Вторая пара рук схватила за волосы, рванула назад. Третий удар — топор между рёбер. Лёгкие горели, воздух выходил кровавым пузырьём. Я упал на колени в грязь, смешанную с пеплом. Они окружили, били ногами, палками, чем попало. Кто-то сплюнул в лицо:

— Видел я, как ты мёртвых шептал! Тьма в тебе!

Рёв толпы утонул в треске крыши. Я полз к дому. Дым душил, жар опалял кожу до волдырей. В зале — Мельник. Забитый до смерти. Лицо в крови, но спокойное, как у спящего. Упал рядом. Дотронулся до его лица. Внутри сломалось что-то окончательно. Ярость — не горячая, а ледяная, как клинок в сердце. Выполз наружу на четвереньках, таща за собой Мельника. Толпа расступилась на миг — увидела кровь, увидела меня. Затем бросилась снова.

Кузнец схватил за горло:

— Глаза вырву, тварь!

Я выкрикнул заклинание, что запоминал ночами. Не шепотом — рёвом сквозь кровь и слёзы. Воздух сгустился. Время замерло. Пыль висела в лучах. Толпа застыла — вилы в воздухе, лица в гримасах.

Она пришла. Смерть.

Не скелет. Облик тёк: то дева с глазами бездонными, то старуха с руками-клешнями. Её присутствие — удар в висок: мир темнел по краям, вены наливались льдом. Она не стояла — парила над пеплом, тени тянулись к ней лентами.

— Ты не спасла его, — хрипел я, сплёвывая кровь. Кулак сжимался вокруг руны на ладони Мельника. — Дай силу! Не для жизни — для возмездия! Я подниму их всех!

Она наклонилась. Лицо менялось — теперь мать, потом сестра кузнеца, потом Мельник. Голос — хор тысяч мёртвых:

— Каждый труп заберёт твою душу. Ты растворишься в них. Станешь тенью, а не человеком. Твои глаза погаснут. Твои руки забудут тепло. Готов ли ты к этому?

Ярость кипела. Смотрел на толпу: кузнец сжимал горло призрака времени, бабка визжала беззвучно, дети роняли камни.

— Да! Я выжгу их страх! Я заставлю мёртвых судить живых! Подпишу кровью! Моей! Их! ВСЕХ! Вырву твой трон в конце концов!

Она коснулась лба. Боль — как тысяча игл в мозг. Мир взорвался. Время потекло. Толпа упала — сердца замерли, вилы выскользнули из мёртвых пальцев. Первый труп дёрнулся. Встал. Глаза пустые. По МОЕМУ слову.

Смерть шепнула напоследок с усмешкой, облик её таял:

— Добро пожаловать, Господин мёртвых.

Я поднялся. Кровь стекала, но раны затягивались тенями. Руны на костях Мельника горели в моих руках.

Век Теней начался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.